

Москва, новости —
1999, — 15-21 июня

В Омском (№22) —
музыкальном с.24.
театре состоялась
премьера балета
Тихона Хренникова
«Капитанская
дочка» в постановке
Георгия Ковтуна.

Проект театра, как по нынешней моде определили в Омске этот спектакль, был подверстан к пушкинским торжествам. Перед премьерой в фойе давали бал, где в качестве вальса в честь Натальи Гончаровой звучала «Дилайла» Тома Джонса, а во вступительной речи губернатор Леонид Полежаев говорил об А.С.П. как о «самой настоящей русской идее» и предрекал скорую его канонизацию. Впрочем, на качестве постановки эти и другие региональные проявления «Пушкин-синдрома», слава Богу, не сказались.

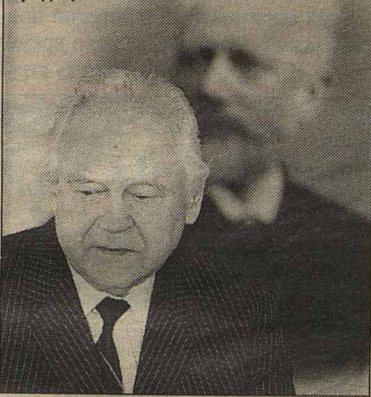
Идея «русского балета», в отличие от русской идеи, живет неплохо, а в провинции даже процветает. «Капитанская дочка» Хренникова и Ковтуна — вторая за два месяца постановка в этом русле; первой была красноярская «Царь-рыба» Владимира Пороцкого с хореографией Сергея Боброва из ГАБТа (см. «МН» №15). Но Боброву для воплощения своих замыслов в Красноярском театре понадобились солисты балета Большого. Ковтун же, работавший от Киева до питерского Малого оперного, обладает счастливым даром успешно работать в реальных «полевых» условиях. В «Капитанской дочке» дано: сложная хореографическая партитура с несколькими движениями на каждую ноту и акробатикой; солисты Омского балета, многие из которых в критическом для профессии возрасте «за сорок»; всего семь мужчин в кордебалете. Точнее, шесть — Дмитрия Дерябина Ковтун вывел на авансцену, Швабрина танцевать. Требуется: полномасштабный многофигурный «номерной» балет на тему русской смуты. С массовой Ковтун выходит из положения, вводя на заднюю линию артистов хора с граблями и рогатинами. Нет «летаю-

РУССКАЯ СМУТА В «БОЛЬШОМ СТИЛЕ»

щих» мужчин — тоже не беда: режиссер, полностью переписав первоначальное либретто Андрея Петрова «из жизни фаворитов и царей», сделал спектакль о том, «как мужики где-то воюют, а бабы без них страдают».

Ковтун — один из немногих балетмейстеров, прошедших жесткую школу работы со знаковой системой «этнической» хореографии: в свое время он создал чукотский фольклорный ансамбль «Эргон». Умение находить точные символы (живая Екатерина II в позитуре известного памятника перед Александринкой, кровь Пугачева — красное полотнище, которым Емелька-бунтарь повязывает своих соратников

Тихон Хренников —
продолжатель
традиций

и т.п.) во многом «вынесло» драматургию и этой постановки. Наиболее выпуклым получился Пугачев (Олег Карпович): по словам Ковтуна, этот персонаж «интересен мне не только как бунтарь, но и как человек, помнящий добро и умеющий благодарить». Естественно, заячий тулуп Петруши Гринева тоже занял достойное место среди «несущих» символов балета — прямо по Тимуру Кибинову: «Он зовет себя Третьим Петром. / Твой тулупчик распознать на нем». Результат вышел «абсолютно пушкинским по духу» — так определил работу Ковтуна Тихон Хренников, о роли которого в истории отечественной музыки спорят до сих пор.

История гласит: один из учеников принес Тихону Николаевичу романс, озаглавленный по первой строчке «Я

хочу умереть». Тот послушал и говорит: «Романс хороший, но почему такой мрачный?» Ученик начинает объяснять и, в конце концов взвинтившись, почти кричит: «Неужели вам никогда не хотелось умереть?» Тут уже удивился учитель: «Мне? Умереть? Да никогда!»

Хренников жизнелюбив до предела. В свои 86 композитор не страдает от отсутствия заказов: сейчас он пишет музыку сразу для двух кинофильмов. За сорок три года правления первого и последнего шефа Союза композиторов СССР было, конечно, много всякого. Однако, как заметил Владимир Крайнев в одном из недавних интервью, на своем посту «это был порядочный человек — в том смысле, что безумных пакостей не творил». Хренников, например, никогда не приветствовал авангард — но в свое время элегантно увел из-под удара Эдисона Денисова, по поводу которого «в ЦК сложилось мнение» исключить из Союза композиторов; а в зале СК экспериментальная музыка, наша и западная, звучала регулярно. Посему в среде, где, если верить записным книжкам Ильи Ильфа, доносы пишут на нотной бумаге, у одних коллег-композиторов Хренников имел репутацию чербера режима, у других — покровителя «сионистов». Истина, стало быть, где-то посередине.

Сейчас нет ни Союза, ни подобных проблем: авангард, потеряв прелесть запретного плода, так и остался в отечественной музыкальной культуре на положении музыки для немногих. А вот «большой стиль» творчества Тихона Хренникова — яркая мелодика, роскошный оркестр, широта и естественность музыкального высказывания — сегодня востребован, как никогда, и по праву. Музыку «Капитанской дочки» не испортил даже оркестр театра п/у Григория Комаровского, с трудом исполнявший элементарные «иллюстраторские» обязанности. Впрочем, трудно ожидать большого в театре, где денег труппа не видела уже два месяца и традиционный послепремьерный банкет собирала на свои «подкожные».

Юрий ВАСИЛЬЕВ
Омск — Москва